

Александр Никифоров

Целинная рать

первое положение

16+

Александр Никифоров

Целинная рать

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Никифоров А. Е.

Целинная рать / А. Е. Никифоров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

О времени, когда на уборку урожая призывали "партизан".

© Никифоров А. Е., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ЦЕЛИННАЯ РАТЬ

Моей жене
С любовью и благодарностью....

Первое положение
ОТПРАВКА

1

Под ярким весенним солнцем всеми цветами радуги переливался май. Граждане, великой страны Советов, окончив рабочий день, спешили домой. Их переполняло чувство выполненного долга, искренняя вера в то, что они своим трудом, еще на один день приблизили торжество коммунизма. Они чувствовали, грядущее торжество, оно было близко, уже рядом, но пока не давалось в их натруженные руки.

На календаре было начало мая 85. В стране «победившего социализма» начинала набирать обороты, объявленная, новым генсеком перестройка. И главное, ничему не научившая, ни царей, ни генсеков, очередная антиалкогольная компания.

Эта компания отличалась от прежних, своим подходом к решению: с вырубке виноградников, остановки пивзаводов. Потом, добрались до ликероводочных заводов. И вместе с началом компании, со всего Союза посыпались в центр рапорта, о моментально возникших и расширяющихся до немыслимых размеров «зонах трезвости». На сельских сходах, зеленые с похмелья мужики, с хитрыми улыбками на лицах и твердой убежденностью в сердцах, что там наверху, «совсем сбрендил», и что мы это «уже проходили», поднимали руки за трезвость. Опуская, дергали соседа за рукав, и с иронией спрашивали, – Пить будешь? На что сосед, резко опуская свою руку, отвечал, – А то, наливай! Дожидаясь конца схода, нетерпеливо поглядывали на часы, – время-то, время, а еще ведь ни в одном глазу. Чего держат: руки подняли, проголосовали. А чего не поднять? Раз новая блажь стукнула вождям в головы. А нам, что поднимать, что опускать. Хотя поднимать, лучше с налитым стаканом. Решения «Единой, направляющей и всеми любимой» партии, и не менее «любимого» правительства выполнялись на бумаге, одним росчерком пера, четко и обстоятельно. В газетах, на радио, телевидение – писалось аршинными буквами, оралось с надрывом, мелькало на экранах – одно единственное слово «Одобрямс! А в стороне от этого, повинуясь законам природы, в южных областях страны, начало наливать спелостью зерно. И с его созреванием, начинало поколачивать в ознобе военкоматы, ответственные за формирование «целинных батальонов» ежегодно направляемых на борьбу с урожаем. «Денно и ночью» стали мелькать в окнах военкомата сотрудники, составляя и согласовывая списки «бойцов целины», военнообязанных приписного состава, по народному «партизан» или «мабуту»....

В подъезде одной из типовых пятиэтажек, хлопнула входная дверь. Молодой мужчина, лет 25-ти, легко преодолев два лестничных пролета, остановился у почтовых ящиков. Открыв один из них, достал почту. Вместе с газетой «Аргументы и факты» из ящика вылетел желтоватый листок бумаги, и, планируя, опустился на пол. Мужчина наклонился за ним, поднял. Поднес на уровень глаз, прочитал:

ПОВЕСТКА

Макарову Сергею Ивановичу 13 мая 198... года к 10 часам явиться в военкомат, для прохождения медицинской комиссии. При себе иметь паспорт, военный билет. В случае неявки в соответствие со статьями Закона СССР....

– Сейчас Машу порадую, – вздохнул Сергей, закрывая ящик.

С газетой и повесткой в руке, он поднялся к себе на четвертый этаж.

2

Открыв дверь и переступив порог своей квартиры, где он проживал с женой и четырехлетней дочуркой, громко объявил, придав голосу нотки огорчения, – Машенька, родная, повестку прислали, в военкомат на медкомиссию, так что как ни крути, а выходной завтра.

– Дай – ка посмотрю, – подошла жена, подставляя щеку для поцелуя. Сергей, привычно чмокнув, отдал ей повестку, и нагнулся развязать шнурки на ботинках.

– Думала, опять врешь, – вернула Маша, повестку, когда он принял прежнее положение.

– Когда это я тебе врал, всегда все, как на духу выкладываю.

– Что на «духу» тут никто не оспаривает. Например, позавчера, с таким «духом» пришел, что его до сих пор с квартиры не выгнать. А на работу мне звонил, что говорил, – Задержусь. Витька «стенку» купил, помочь надо. А я дура, все тебе верю. Ленке позвонила, с покупкой поздравила. Она чуть у телефона в осадок не выпала. Ты говорит, ничего не перепутала? Витька у меня, чего летчик – испытатель? На персональном окладе, сидит? А не вместе с Сергеем, твоим, баранку крутит? Подъем в квартиру был. Но не «стенку» поднимали, а Витьку, дружка твоего закадычного, и не ты, а сосед. А вот где «стенка» Витькина, и полполучки, история умалчивает. И где ты был в это время, не знаю. В «грузчиках», замечен не был. Мне Ленка, подробно, все рассказала.

– Я же домой шел, проводил Витьку до подъезда, и сразу домой. Знаю же, что ждет ненаглядная жена, переживает, – приобнял, Сергей жену, стараясь прервать воспоминания, не столь далекого прошлого.

–И чего? Живой труп приполз. Ни красы, ни радости. Через губу не плюнуть. Преодолею порог и упал замертво. Ни в туалет не в ванну не попасть было, дверь припер, всю ночь провалялся. А завтра после комиссии, думаешь трезвым придешь? Комиссию пройдете и галопом в магазин. Как же без этого, раз выходной устроили, – Маша, повернулась и пошла на кухню.

– Какой магазин, с кем? Я же там никого не знаю. Пройду комиссию и домой. Еще Лару с садика успею забрать, – пошел следом Сергей.

–Садись, ешь, – поставила Маша на стол, сковороду с жареной картошкой, – сам хоть нормальный приди, забиральщик. В прошлом году вы уже с Витькой, комиссию проходили.

Сергей, вспомнив ту комиссию, опустил взгляд в сковороду.

– Три дня, вы с ним в военкомат ходили, – продолжала она, присев напротив Сергея, – все давление вам мерили. А как же? Давление высокое, заключения, комиссия не может дать. Вот и ходили, туда как на праздник – белым лебедем, а домой – раком.

Сергей, оторвался от сковородки, хотел возразить, но встретив взгляд жены, решил: еще не время.

– Врачи-то, олухи какие-то. Понять не могут, что вы давление, полными стаканами поднимаете.

– Ты бы еще, времена Петра Первого вспомнила, – уткнулся в сковороду, Сергей.

– А хоть Первого, хоть второго с третьим, – не унималась Маша, – позавчера еле приполз. Завтра такой же придешь, вот попомни мои слова. Скажешь потом, накаркала.

– Да нормальный приду, чего ты, – пообещал Сергей.

Ночью ему снился сон... Бежит он один одинешенек, размахивая над головой, огромным черным пистолетом. Форма на нем какая-то незнакомая, золотом расшитая, на голове огромная фуражка, на погонах по большой звезде, впереди золотится поле. Летит он к нему на всех парусах, рот широко открыт, в одном пронзительном крике, – Сдавайсь!

3

Проснулся он от голоса жены, собирающей дочку в садик. Вспомнив, про свое обещание, Сергей, встал с дивана, и вышел из спальни, на кухню.

– Папочка, – радостно подбежала дочка, – а правда, ты меня в садик поведешь?

– Конечно, – подхватил он ее на руки.

– После садика придешь, ванну прими, белье я положила, – сказала жена.

– А куда папа пойдет? – любопытные глазенки дочки, смотрели на отца.

– Я же тебе говорила. Папа сегодня врачи осматривать будут, – ответила за Сергея жена.

– А врачей много? – не унималась дочка.

– Много. И дяди и тети. Все я пошла, – поцеловала Сергея, жена, выходя из квартиры.

Детский сад был расположен, через сквер от дома. Дочка всю дорогу задавала Сергею вопросы, как будто хотела узнать все и сразу. На последний вопрос, – Папа, а чего белые медведи, в зоопарке желтые? Пыталась ответить уже воспитательница, уводящая дочку в группу.

Сергей, выйдя на улицу, вспомнил поездку в зоопарк, – а действительно, молодец, подметила. От воды, наверное – ответил он сам себе, на вопрос дочурки, – вода – то не арктическая.

Быстро приняв ванну, переоделся. Так как выходной получился не запланированным и личным бюджетом не предусмотренным, пришлось потрудиться. Сергей проверил карманы одежды, висящей на вешалке в коридоре, потом в шкафу. К оставленным женой двум рублям, путем тщательного поиска, присоединились 30 копеек. Упрятав наличность поглубже в карман брюк, он вышел из квартиры.

– Натворил «горбатый» делов, – спускаясь по лестнице, поминал он нынешнего генсека, инициатора перестройки, – мало того что на работе, каждый день новые указания, так еще и с водкой решил бороться. Как будто бороться больше не с чем. В магазинах шаром покати, мыши и те, давно разбежались. Вот и боролись бы с дефицитом. Или сами с собой. Вызвал бы Егорку Лигачева к себе, и стучали бы по мордасам. Если не как, вышли бы на улицу без охраны, сразу бы от первого встречного заработали, даже не узнав, просто за морды сытые и довольные. А узнали, убили тут же, желающие в очередь бы выстроились. Это надо же додуматься: с водкой бороться. Все боролись, цари, генсеки, а она, как бабушка Ленин, живет всех живых. Хотя в магазинах купить все труднее. В – первую очередь, как в мавзолей, а во-вторых, и отстоишь, не факт, что на тебя хватит. Им то, что принесут и на стол поставят, да что там поставят, нальют и поднесут. Чего, еще желаете, Михаил Сергеевич? Может за Раисой Максимовной сбегать?

Представив себе изобилие кремлевского стола, Сергей в сердцах плюнул, и вышел на улицу. А на улице благодать. Солнышко день разогревает. Народу на улице совсем ничего. И оттого, что все ударно трудятся, а у него нарисовался выходной, его покинули мысли о кремлевских постояльцах. Ноги, сами по себе, увеличили шаг, чтобы побыстрее закончить «казенные» дела в виде медкомиссии, и полностью посвятить себя свободному от работы дню.

– А Витька, сейчас, наверное, уже из гаража выехал. Кому-то ведь и работать надо, не всем же, лафа. После военкомата, если повезет, возьму сухонького и домой. А Маша придет, вместе и отметим.

Витька Симонов, его приятель и коллега по автоколонне, душевно и физически страдающая от жгучего похмелья, стоял на крыльце военкомата. Повестку ему с утра, молча, вместе с металлическим рублем, вручила жена. Повестку он уже отметил, а сейчас крепко сжимал и разжимал кулак, где лежал этот, на все про все один, хотя и юбилейный, с чеканным профилем вождя, рубль. Разжав в сотый раз кулак, и увидев, что чуда не случилось, и там все тот же рубль.

4

Витька со словами, – У меня не мавзолей не залежишься, сунул рубль в карман, и стал приглядываться к проходившим мимо него, посетителям военкомата. Он пытался вычислить

такого же «бедолагу», как он сам, с пониманием, который протянул бы щедрую руку помощи. Но надежды таяли с каждым мимо проходящим. Простояв так, еще с десятков минут, он уже готов был, как Маугли, задрать к небу лицо, и огласить окрестности зовом, – Мы с вами одной крови! Только близость военкомата, удерживала его от этого крика отчаяния.

– Вот вчера бы знал, что повестка придет, всю бы заначку не просадил, – бродили мысли не в совсем еще, ясной голове, – Славка виноват, хроник конченный. Давай, да давай, все равно на ремонте. Ну и надавались. Мало, то, что заначку пропил, так еще и этого «опойка» пришлось домой тащить. На халяву – то, накушался так, что адрес свой забыл, ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Четыре дома обошел, и все на пятый этаж, – Ваш? Как не ваш, вы внимательно посмотрите? Сам протрезвел, пока адрес нашел. А в благодарность? Я ей мужа привел, а она? Еле ноги, унес. Хорошо на такие дела опыт имеется, и реакция мгновенная, а то катился бы как Славка.

Не приведи, господи, такой супруги, – от этой мысли, он внутренне перекрестился, вспомнив, как треснула Славку жена. Я бы от такого удара, сразу «ласты склеил», а Славка видать привычный. Хорошо реакция не подвела, дверь успел прикрыть и ходу, – Витька, вспомнив, как летел вчера на всех парусах с пятого этажа от Славкиной жены, даже улыбнулся. – Все же опыт, великое дело. Не пропьешь, не растеряешь, – решил он, – но все это фигня, по сравнению с мировой революцией. Надо же так, подорвать вчера свое драгоценное здоровье, что курить даже не хочется? А похмелиться надо, но так, совсем чуть, ради здоровья. Поправить здоровье и все, завязывать с этим делом надо.

– Зарекалась, свинья, – припомнилось ему, утреннее напутствие жены.

– Привет, Шалапин! – прервал его душевные страдания, незамеченный из-за них, подошедший Сергей. «Шалапиным» в автоколонне Витьку прозвали, за его привычку петь, изрядно приняв внутрь. Не имея музыкального слуха, и полное отсутствие каких-либо вокальных данных, Витькин скрипучий голос, частенько прерывал задушевные беседы его коллег по «баранке», собравшихся за «рюмашкой» чая. Все словесные попытки прекратить это безобразие, которое он считал пением, на Витьку не действовали. Тогда вступало в действие коллективное решение, – если не прекратит издеваться над товарищами, очередной «рюмки чая» лишит. Это действовало безотказно, и «вокал» тут же прерывался.

– Серега, друг, – несказанно обрадовался Витька, конкретному «спасителю», – тебе, чего? Тоже повестку?

– Тебя пришел проводить, – отшутился Сергей, – Вся автоколонна работу бросила. Какая, говорят, без Витьки работа?

– Я уже час здесь торчу, – пожаловался Витька, – вчера со слесарюгой, ну со Славкой, алкашом этим, усугубили. Ленка, сам понимаешь, с утра на «метле». Пришлось пораньше свалить, чтоб напутствие не все выслушивать.

– Поддерживаю. По себе знаю, ничего нет хуже с утра, как «разбор полетов», – посочувствовал ему Сергей, – Машка до сих пор «стенку» твою вспоминает.

– Мировая была идея, – рассмеялся Витька, – добрые дела, они не забываются.

– Это да. Ты у нас вообще генератор идей. Многие жены, наверное «благодарны» тебе за них, вот только пока не встретили тебя, чтоб «спасибо» сказать, раз здесь стоишь и «лыбишься». Пошли, что ли, времени уже девять?

– Куда ты торопишься? Там нашего брата, как блох на собаке.

– И чего слышно? Войну кто объявил?

– А как же, весна. Пора с урожаем биться, пока не одолеем. Я уже очередь занял, за мной будешь. – Пошли, повестку же надо отдать.

– А может сначала, встречу отметим? – Витька, характерным жестом, хлопнул себя по шее, – тут в пару минут, бабка живет, самогонка, что слеза колодезная. Сюда-то всегда успеем.

– Мы вчера с тобой виделись, я еще соскучиться не успел. Давай сначала дела решим, а потом все остальное.

В военкомате было столпотворение. Человек тридцать молодых мужиков, в одних трусах, стояли перед кабинетами, сидели на стульях вдоль стен.

– Твое, коромысло в душу кровь, – чертыхнулся Витька, – уже началось. Сдавай повестку и ко мне. Я пока с очередью разберусь, – двинулся он в конец коридора.

– Значит, Макаров, – дежурный мичман, заглянув в повестку, стал записывать данные Сергея в журнал,

– Как вести себя на комиссии знаешь?

– А то, Каждый год почти на нее таскают, – ответил Сергей.

– Таскают морковку с грядки, а по повестке приглашают. Вот в случае уклонения, тогда да, тогда приводом. Так как ты сам явился, к тебе это не относиться. Начало в конце коридора, заключение в кабинете военкома. Не вздумай слинять, пока не пройдешь.

– В курсе: сообщение на работу, прогул. Всеобщее презрение и ненависть трудящихся, с приложением всех вытекающих, – вздохнул Сергей.

– Вижу, грамотный. Надувай паруса, и вперед, с песней. Песню можно петь любую, – напутствовал мичман Сергея.

– А частушки? – спросил тот.

– Частушки на улице будешь петь, после комиссии. Здесь только строевые марши, усек?

– А говоришь, любую?

– Не умничай. У тебя на одной ноге, уже сапог сверкает, так что пора репетировать.

– Понял, не морковкой деланный, – пошел Сергей в конец коридора.

Витька стоял уже в трусах, скрестив руки на груди, дрожа то ли от прохладного коридора военкомата, то ли от похмельного озноба.

– Мужики, он за мной, я предупреждал, – увидел он, Сергея, – раздевайся быстро, сейчас моя очередь.

Пока Сергей, раздеваясь, аккуратно складывал одежду на стул, подошла Витькина очередь.

– Если на целину заберут, радости мало, – думал Сергей, сидя на краешке стула, – А если с другой стороны подумать – вернусь, деньги, за все получу разом. По среднему заплатят. Маша, давно мягкую мебель хотела.

– Вы чего сегодня все трясетесь, – раздался за дверью кабинета, громкий женский голос. Он прислушался. В ответ послышалось неразборчивое бурчание Витьки.

– Все пошел балагурить, это надолго, – решил Сергей.

Но через минуту распахнулась дверь, и из кабинета вышел довольный Витька, помахивая листком бумаги в руках.

– Следующий, – проорал он на весь военкомат, – пропуская в кабинет Сергея.

– Проходите на ростомер, – сказала ему женщина в белом халате, когда он переступил порог.

– Да мы, похоже, с «Шаляпиным» один в один, – мелькнула у него мысль, когда он встал под планку.

– Метр семьдесят шесть, а вес свой знаешь?

– Семьдесят девять, – ответил Сергей

– Молодец, зови следующего.

К одиннадцати часам, благодаря Витькиному неугасимому желанию поскорей заняться своим здоровьем, они официально признанные здоровыми и годными к строевой службе, стояли у кабинета военкома, с приклеенной табличкой «Призывная комиссия. Заключение»

– Она на меня смотрит, как на врага народа. А что это у вас руки трясутся? И давление повышенное? Принимали вчера? – рассказывал Витька, ожидающим своей очереди, о посещение терапевта, – Я сразу в отказ. Категорически и бесповоротно, – Как, говорю, вы можете подумать обо мне такое? Я человек, законопослушный.

6

Как вышел Указ, ни капли спиртного не принимать. Я сразу рот на замок, а ключ в унитазах утопил. А что трясусь? Жена с утра напугала, вот и дрожу до сих пор. Серега, помнишь, Толян рассказывал, как их в «спецуре» учили, сначала разбуди, потом режь, чтоб не закричал.

– Толян тебе расскажет. Он контуженный с Афгана пришел, да еще и больной на всю голову, – ответил Сергей, соглашаясь.

– А Ленка моя, Серега не даст соврать, если ее завести, мало не покажется. А если довести до кипения, одна бы дворец Амина взяла, как два пальца..

– Ее и до кипения доводит не надо, она и так у тебя, с пол-оборота заводиться, подтвердил Сергей. После претворения в жизнь Витькиных «идей», часто в ее глазах виноватым оказывался именно он, а не ее благоверный.

– Я со сранья – то не врубился, что она завтрак готовила, ножом хлеб резала, и с ним меня будить пошла.

Одной рукой меня трясет, а в другой нож держит. Здоровенный, такой, из немецкого штыка переделанный, я его из деревни привез, дядька мой, свиней им резал. Ну, все думаю, в последний раз, ты вчера выпил, Витюша.

Верите, нет, замелькала жизнь перед глазами, так жалко с ней расставаться. Ленка, – ору ей, как тот поросенок недорезанный, – ну может не надо, так сразу, радикально? Я же с водярой, а не с бабой, какой? Не ходок я по женскому делу. А за пьянку разве убивают? Кодируют на крайняк. Ору я в таком плане, а сам, чувствую вот– вот между ног потечет. Ослабила она немного руку, я под нее поднырнул, и на рысях в туалет.

Дверь на задвижку, в ручку вцепился, жду. А она мне с той стороны, – Допился, придурок. Дурдом по тебе плачет. Мойся, да есть, иди.

Рассказал я все это врачихе. Посмеялась она, а потом даже посочувствовала. Езжай, говорит, на целину. Здесь с тебя толку никакого, а так хоть стране поможешь. Так что, на целину готов. Ну, чего они там, резину тянут? Внутри все перегорело, туда хоть граммулечку одну, но с градусом кинуть. Если дома от страха не загнул, так тут от ожидания очоуришься, – посмотрел Витька на дверь кабинета.

В кабинет Сергей вошел первым. Витька, найдя в лице, стоящих в очереди, внимательных слушателей своих впечатлений от комиссии, благодушно пропустил его вперед.

За столом в виде буквы «Т» сидели члены комиссии. Во главе восседал военком, мужчина лет 50-ти, в погонах полковника. Сидевший, справа от него, капитан, заглянул в бумаги, лежащие перед ним,

– Макаров, старший сержант, все характеристики положительные. Горкомом партии, комсомола, парткомом, комитетом комсомола предприятия, руководством, трудовым коллективом и профкомом автоколонны, кандидатура одобрена.

Сергей услышав, удивился, когда это его кандидатуру успели одобрить, когда он, только после работы увидел повестку. Но потом, мысленно пересчитав, сколько, же этих, которых называли, занимались его скромной кандидатурой, удивился их оперативности. Чтoб, не посрамить, столько людей. Он, расправив плечи. Вывернул грудь «колесом», чтоб видеть, как положено «грудь, четвертого человека».

– Так как, сержант. Готов помочь стране с урожаем? – задал вопрос военком.

За Сергея ответил, дремавший до этого в глубинах сознания, старший сержант Макаров, вбитый туда навеки, присягой и срочной службой. Он и подобрал, те самые нужные, в данной обстановке слова,

– Так точно, товарищ полковник, поможем. Как говорить, «партия сказала, комсомол ответил – есть!» – при этом его тело, автоматически приняло позу по стойке «Смирно». А глаза, стали преданно и внимательно в ожидании приказа «пожирать» начальство.

– Молодец, сразу видно сержанта. Готовься, через пару недель отправим, – полковник привстал и крепко пожал ему руку.

Закрыв за собой дверь кабинета, Сергей с облегчением вздохнул, и, не обнаружив в очереди своего приятеля, пошел к выходу из военкомата.

7

Витька, курил на крыльце, в окружение пока еще не получивших «добро» от военкома, но уже одобренных, во всех остальных инстанциях бойцов «урожайного фронта». Он рассказывал очередную историю из своей пока еще не длинной, но полной до краев невероятными, а порой и фантастическими событиями жизни.

– Ну чего? Готов к труду и обороне? – прервался он, увидев Сергея.

– Ага, как юный пионер, для всех, стоящих здесь, пример – в ответ скаламбурил тот, подняв руку в пионерском салюте.

– Понял, не дурак. Дурак бы не понял. Всегда готов, – бросив окурок, отсалютовал ему Витька, – я летом к военкому. А потом займемся подготовкой и тренировкой к урожайным битвам.

– Мне в шесть, дочку надо из садика забрать, – предупредил его Сергей.

– Время еще детское. Триста раз успею выпить, опохмелиться, протрезветь, и опять выпить, – успокоил его Витька, направляясь в военкомат.

– Я же с накладной! Вам же хроникам водку привез, – кричал Витька, продираясь сквозь огромную очередь, к прилавку магазина, размахивая каким-то белым листком....

Проснулся Сергей в сумерках. По не разобранному дивану, на котором он спал в одиночестве, разбросанной по полу одежды, он понял, что вчерашним его благим намерениям, не суждено было сбыться.

–Пять часов, – ужаснулся он, взглянув на часы. Надо еще хоть часик потерпеть. Маша проснется, тогда труба, до ухода на работу одни вопросы. А чего на них отвечать, если не помнишь ни черта?

Пить хочется, в глотке, будто стадо бегемотов нас...., натопали. Можно из аквариума хлебнуть. Нет, услышит, вставать не буду, потерплю. Где это мы с Витькой, вчера разошлись? В сознание начали всплывать, какие-то обрывки вчерашних «тренировок»: выпивали в маленьком домике на территории детского сада, потом Витька в песочнице, оторванной от нее же доской, показывал, как надо рыть окоп. И мелькнуло последнее, перед новой волной сна: он сидит в окопе, припав щекой к лопате, изображающей пулемет, выцеливая за домиком Витьку, который в образе врага, кидает в него пустые бутылки, пытаясь погасить «пулеметное гнездо»

– Вставай патриот! Защитник наш ненаглядный! Войска уже построены, команды ждут, – такими словами растолкала его в половине седьмого жена, – вчера чего? К Витьке всем войском, паровоз затаскивали? Пришел весь усталый, голова майкой завязана. В комнату ползком прополз, идти сил не было. Наверно паровоз сами и к дому подтаскивали?

– А чего, голова-то завязана? – недоумевая, спросил Сергей.

– Не знаю, посмотрела, пробоин нет. Шишка только на затылке, ну в том состоянии, чему тут удивляться. Еще чудо, как до дому дополз.

– Значит, попал все-таки, снайпер долбаный, – мелькнуло у Сергея в голове, пока он поднимался с дивана.

– Машенька, хорошая моя, клянусь! В последний раз, помереть мне, на этом самом месте, – стал он виниться перед женой.

– Дочку напугал, – не обратила она, на его слова никакого внимания.

– Да не пугал я ее ничем, – напрягая память, ответил он.

– Только порог переполз и завыл, как молитву, – прощай доченька. Сам в слезах и соплях, так своим завыванием и дочку до слез довел.

– А чего это я плакал? – не поверил Сергей.

– Ты чего? Ничего не помнишь, или придуриваешься? Ты же уезжать собирался?

– Куда уезжать, – снова напрягся он, пытаясь вспомнить. – Дает. Как куда? На фронт. Вы же кому-то с Витькой, войну объявили. Я и вещи собрала, как ты просил.

8

Паек на три дня, белья смену. Ты же проверять пытался. Вон сумка в коридоре стоит, – ответила жена, – Ленке позвонила, хотела насчет фронта уточнить, так – та ничего не знает. Витька еще в подъезде упал. Но после моего звонка, вещи она ему тоже собрала.

– С ума посходили. Какой фронт? – заколотило у Сергея в висках.

– Я так полагаю, винно-водочный. Решили вы видно помощь стране в борьбе с этим злом, путем уничтожения всего алкогольного, рискуя жизни и здоровьем. Выполняя, так сказать, постановления партии и правительства, – хлопнула его Маша, легонько по лбу, – а здоровья-то хватит, ведь замахнулись – то ого-ого. Хотя на комиссии, наверно годными признали.

– На целину нас забирают. Вот вчера с горя и приняли, – сказал, и отошел на всякий случай, подальше от жены, Сергей.

– Это у кого горе? Это у нас в семье горе. Ты вчера ползком передвигался, слова внятно сказать не мог, а лозунги четко выговаривал.

– Какие еще лозунги? – все больше удивлялся Сергей.

– Как, какие? Народ и армия едины, а с Витькой вы непобедимы! Да у меня все записано, хочешь, прочитаю.

– Не надо, – решительно отказался Сергей.

– Иди тогда мойся. Да песок из ушей вытряхни. Вы похоже вчера, после комиссии уже на ноги не вставали. Все ползком, да ползком, – добивала его жена, – зубы не забудь хорошо почистить, вояка.

Сергей не прекословя, пошел выполнять указания.

– Папка, а ты когда уезжаешь, – встретила его выходящим из ванны, дочка.

Пока он думал что ответить, за него ответила Маша.

– Ты больше своего папочку слушай. Вчера он в майке на голове приполз, сегодня с ведром на голове приползет, и скажет, что летят они с дядей Витей в космос, – а что на четвереньках и в ведре, так это они автопилот испытывают. А без бутылки, как его проверишь?

– Ну, прости ты меня, пожалуйста. Обещаю тебе, все завязал, попросил ее Сергей, умоляющим голосом.

– Все сейчас растаю. Завязал он, где бы тот узел увидеть. Горбатого могила исправит. Садись, ешь.

– Машенька, поверь, в последний раз, – искренне верил в свои слова Сергей.

Перед крыльцом военкомата, в две шеренги, стоял проверенный с медицинской, политической, воинской и всех других точек, личный состав «целинного воинства». Одежда всех цветов и оттенков, разнокалиберные сумки, громкие разговоры: это сборище, пока еще даже издали не напоминало четкий военный строй.

Сергей, только сегодня утром, окончательно помирившись с женой, на что ушла практически вся эта неделя перед отправкой. К началу построения, он немного опоздал, и поэтому встал с края шеренги. Отсюда он рассмотрел Витьку, стоящего в первой шеренге, и о чем-то, весело беседующего со своим соседом.

– Смирно! – подал команду, вышедший перед строем майор. Он открыл папку, которую до этого держал в руке и начал озвучивать фамилии

– Я, на месте, здесь, туточки, – с юмором отзывались «бойцы будущего урожая»...

Закончив поверку, майор закрыл папку, подал команду «вольно» и объяснил следующие действия.

– Сейчас должен подойти автобус. Мы организованно, кто не понял, еще раз. Мы организованно, размещаемся в нем, и следуем к месту формирования роты. Место это я называть не буду. Так как в прошлых призывах, были попытки, добираться до места формирования, самостоятельно.

9

А пока есть время, можете перекурить, оправиться, попрощаться, кого пришли провожать. Вопросы есть?

– А у кого не пришли? Можно домой, сбежать на пару минут? – спросили с правого фланга.

– Кролик, похоже? – гоготнули в строю

– Куда домой? – запретил майор, – Ни в коем разе. Я в прошлом году одного отпустил. Пошел он домой, а там уже заменитель обосновался. Вместо целины, пятнадцать суток, как с куста. А заменитель, сантехником оказался. Боец, сам и заявку давал, чтоб трубы прочистили. Да видно забыл, по запарке.

– Смотри, мужик, какой заботливый? Сам на целину, а трубы прочистить заказывает. А вот кому, жене или в сантехнике забыл по суете, – засмеялись в строю.

– Разойдись, – скомандовал майор, и ушел в здание военкомата.

Сергей подошел к Витьке, который уже внедрял свои «идеи», по поводу заполнения образовавшегося свободного времени, двум бойцам. Ребята Сергею были знакомы. С Сашкой, они учились в параллельных классах, а с Васькой, жили раньше в одном дворе.

– Ага, и ты попался, – радостно пожал ему руку Сашка.

– А как же, все на борьбу с урожаем, – пожал он его, и протянутую Васькой руку, – чего вам Витька, за идею толкает? – кивнул он, на друга.

– Говорит, что без нас страна с голоду загнется, урожай убирать некому? Ты чего не слышал, как комиссар перед нами выступал? – спросил Сашка.

– Похоже, я главное в своей жизни пропустил, – засмеялся Сергей, – как буду дальше жить без комиссарского напутствия, ума не приложу.

– Ты не смейся. Правда, полжизни потерял. Про задание партии бы услышал, про значение борьбы с урожаем в мировом масштабе, где каждое собранное нами зернышко, это гвоздь в гроб империализма. И как мы им назло, всем этим, обожравшимся капиталистам, поможем своим зерном беднякам всего мира. Пусть они перевешаются от зависти, – смеясь, вкратце передал Сашка, выступление военкома, – но главное не это. Ты бы видел, как Витька, то ли от проникновения, а скорей всего с похмелья, от пылких речей комиссара, пустил слезу.

А тот видит такое дело, полковника же зря не дадут, сразу к нему, – А не желаете ли будущий победитель урожая, выступить, так сказать, с ответным словом от имени бойцов? Не веришь? А зря. Тут, Витьку, как говорится понесло. Мы минут пятнадцать, скрипя зубами, терпели. Слышал бы ты, как его несло. Впечатление такое, будто унитаза, за ручку дернули, а бачок неисправен, не остановить.

– Сравнил, тоже с унитазом, – вмешался Витька, – самим двух слов не связать, вот и завидуете.

– Этот может. А если еще горло смазать, до бесконечности, – подтвердил Сергей, – а как он песни поет, заслушаетесь. Мужики в слезах, работу бросают, за ним бегают.

– Планы за всех пересказал. Сказал, что все выполним и перевыполним. Как только перевыполним, сверху возьмем еще столько, чтоб тут же и это выполнить. Мы с пацанами, и не знали, а оказывается все мы, с его слов, строители светлого коммунистического завтра. А раз уж нам доверили его строить, то мы не подведем.

На целине все колоски до последнего, пусть на карачках от усталости, пусть ползком, зубами, но соберем и посчитаем. И если страна, хоть одного не досчитается, то пусть нас покарает суровая рука пролетариата, а если этого будет недостаточно, то пусть там, на целине, на неубранном поле, расстреляют нас при свете фар.

– Ну, ты загнул, вполне бы мог вместо меня выступить, – оценил Витька.

– Я, эти колоски, и в руках – то никогда не держал, представления не имею, – ответил Сашка.

– Я вот, что вам скажу, товарищи мои боевые, бойцы целинного фронта, – начал Витька, картинно выставив вперед одну ногу, и помогая себе рукой, – задания, колоски, закрома, и вся прочая дребедень еще впереди.

10

А сейчас нам надо успеть, пропустить по граммулечке, за встречу, за отъезд, и за будущий урожай

– Что-то ты много за одну граммулечку хочешь? – сказал Сашка, – жаба душит?

– Это я так образно, – поправился Витька, – ну вы как?

– Принято, – в один голос, заявили Сашка с Васькой.

Сергей, все дни перед отправкой, честно державший перед женой обещание, хотел было отказаться. Но увидев, как приятели, похватав сумки, двинулись за угол здания, вздохнув, пошел следом.

Расположились на зеленой травке. Сашка достал, завернутое в газету, нарезанное тонкими ломтиками сало. У Василия, как из воздуха, в руках появилась бутылка «Экстры». Витька, резко взмахнул рукой, и уже держал под горлышком, складной походный стаканчик.

– Предварительно, надо по граммулечке за встречу. А если предварительно, то все будет хорошо и удивительно. Как говориться, чтоб хотелось и могло, чтоб стояло и далось, – при этих словах, Витька лихо вылил содержимое стаканчика себе в рот.

– Пушкин бы с тобой выпить не отказался, – одобрил Сашка.

– А еще Шаляпин, – добавил Сергей.

– А Шаляпин-то причем? – не понял Васька.

– Узнаете.

До команды «Строиться!» они успели выпить на посошок, на ход ноги, за верных жен и забугорную. Выпили за дембель. Небольшая емкость стаканчика, не дала им забыть, что теперь они снова солдаты. Команду на построение они встретили с сожалением, нехотя поднялись и пошли вставать в строй.

– Сейчас мы садимся в автобус. Во время движения, никаких телодвижений. По автобусу не ходить, вино не пить, – инструктировал их майор.

– А водку? – тут же последовал вопрос.

– А Машку за ляжку? Что непонятно? Сказал не пить, точка, – ответил офицер, – в автобус шагом марш.

Четверым приятелям, как опоздавшим, досталось заднее сиденье «Пазика».

– Как четыре тополя торчим, на Плющихе, – осмотрелся Витька.

– Три, – поправил его Васька.

– Чего три, – не понял тот.

– Три тополя, – фильм так называется, – пояснил ему Васька.

– Я люблю, когда деревьев много, укрыться есть где. Сидим сейчас, как четыре пенька, на общем обозрении, в аккурат супротив майора, ни выпить, не закусить, – оценил обстановку Витька.

– Я кого предупреждал, – майор, услышав звон стекла о край кружки, подошел к среднему сиденью, – убирайте, иначе вылью.

– А пожрать разрешите, товарищ майор, – подал голос Витька, с утра не зак..., с утра не крошки.

– Это можно, – разрешил офицер, узнав пламенного «борца с урожаем», – а то потерпите, будет остановка, спокойно поедите.

– Да мы же водилы, все время на ходу, – заверил его Витька.

– Смотрите, если можете, то, пожалуйста, – еще раз разрешил майор, уходя на свое место, рядом с водителем.

– Хорошо, когда друг всем друг, – похвалил Витьку, Василий, – давайте еду доставайте. Пожрать-то, правда не мешает.

– Как лучшего друга, старшего по автобусу, пустите-ка меня к окну, – отреагировал тот на похвалу.

– Мне, что ты, что майор, давай пробирайся, – пропустил его Васька.

11

Витька поерзал у окна, пристраиваясь удобнее, потом сказал, глядя на Ваську, – ну чего? Давай, бутылку, разливать буду.

– Ты от майора, ничем не заразился. Может на тебя с его погона, какой-нибудь вирусенок прыгнул, – ехидно прищурился Васька.

Сашка, молча, протянул ему бутылку.

– А чего ты? – не понял Витька.

– Командовать начинаешь, так что с тобой дружить надо, – засмеялся Сашка.

По салону автобуса, становясь, все более ароматным поплыл запах спиртного, слабо перебиваемый закусками.

– Все понеслось, Федорыч. А я все еду и думаю, чего-то не хватает, – кинул взгляд в салонное зеркало водитель.

– Довести бы до места нормально, – вздохнул в ответ майор.

За окошками мелькали деревья, шорохом шин отзывалось шоссе. Внутри автобуса, не обращая на эти привычные для них мелочи, никакого внимания, ехал, наливая и закусывая, с каждым километром все более веселеющий народ.

– Первая пошла, – наклонился Витька, чтобы поставить пустую бутылку на ступеньки перед автобусной дверью. Автобус с их стороны качнуло, и он, съехав на обочину, остановился.

– Витек, ты чего? Умудрился колесо проколоть? – спросил Сашка.

– Видать в кусты приспичило. Попросить остановиться, лень, – сказал Сергей, – не мытьем, так катаньем.

– Он давно хотел, – засмеялся Васька, – а я еще думаю, чего это он, пусти к окну, да пусти к окну.

– Чем тебе там думать – то? Думает он. Наговариваешь ты на себя, – отозвался Витька.

– Давайте с автобуса, – снаружи постучал по стеклу водитель, – приехали.

– Остановка вынужденная, не разбегаемся, – предупреждал бойцов майор, на выходе из салона.

– Главное вы не пропадите, – хохотнул мимо проходящий, обдав офицера свежим водочным ароматом, – а нам куда деваться.

– Мы шоферу поможем, свой же брат водила, – сказал идущий за ним.
– Выпить поможем, а закусывает пусть сам, – добавил следующий, – а вы о чем подумали, товарищ майор.

– Больше ни-ни, – пригрозил им офицер.

– Все согласно Указу, по бутылке на рыло. Больше в магазине не дают, – ответил «боец урожая», – мы люди послушные.

– А кто в этом сомневается? – покачал головой майор.

Сергей выходил последним. Возле пробитого колеса, всю кипела работа. Василий, с красным, от натуги лицом, висел на длинном баллонном ключе, пытаясь отвернуть гайку.

Второй помощник водителя, пытаясь отвернуть запаску, наполовину торчал из – под автобуса.

– Ты чего, по мозгам левша? – услышал он голос водителя, обращенный к Ваське, – ты чего творишь?

– А ты слепой, так раздвинь ресницы. Видишь, колесо снимаю, тебе помогаю, – оторвался тот от ключа.

– Мамочка, возьми его обратно, туда, откуда вылез я, – с присказкой выругался водитель, – ты понял, куда я тебя послал? Ты в какую сторону крутишь, резьбу сорвать хочешь, болт ты без головки.

Васька отошел от колеса, что-то прикинул в голове, и согласился с водителем, – А слушай ты прав. А я все думаю, какой чудак, так гайки затянул?

12

– Это только, когда чудак на букву «М» откручивает, – засмеялся водитель, забирая у него ключ, – по пути вон второго вытаци, а то так под автобусом и поедет.

С трудом уговорив, «специалиста по запасным колесам», вылезти, он отправился искать свою команду...

Все трое, лежа на траве, курили, спрятавшись за невысоким кустиком.

– Как колесо осилил? – засмеялся, увидев его Витька.

– Все в постели с женами, а он в пути с баллонами, – невпопад, добавил Сашка.

– Ты лучше, пока вон майор отливает, – кивнул Витька, головой в сторону автобуса, – меняй профессию на гонца, и лети в автобус за пузырем.

– А кроме меня некому, да и устал я, – стал отнекиваться Василий.

– Устал ты, из-за отсутствия мозгов, – объяснил Сергей, – а раз другого ничего не можешь, вот и лети.

– А вы, значит, на сухую все это время сидели? Просто сидели и меня дожидались.

– Тебя дождешься? Ты сначала другим помогаешь, а друзья тебе по боку, – попрекнул его в шутку, Сашка.

Видя, что отвертеться не удастся, Васька сбегал в автобус за своей сумкой.

Удовлетворенный, что добился своего, Витька, стал неторопливо разливать водку.

Наблюдая за процессом, чтоб не оказаться обделенными, не заметили, тихо подошедшего офицера.

– Значит, нарушаем, – кивнул на бутылку в руках Витьки, майор.

– Вылить заставит, – заметался ужас у того в голове.

– Товарищ майор, а может чуть – чуть, на природе, – наугад предложил Сергей.

– Капелька на природе не повредит, – согласился майор, присаживаясь на траву, – меня от вашего перегара и так пошатывать начинает.

Витька, боясь вспугнуть момент, молча протянул ему, свой стаканчик.

– Ну что ж, давайте за то, чтоб ждали, – в один глоток выпил офицер.

– А что, было? – спросил, с подобострастием протягивая ему соленый огурчик Витька.

– Да нет. Байка такая есть, – улыбнулся своим мыслям офицер, – С учений офицеры возвращаются. Едут в одном купе: моряк, летчик, и пехотинец. Выпили, опять налили. Разговор, как всегда, на женский пол переместился, потом до жен дошли. Летчик, стал рассказывать, – Уверен, говорит в жене, как в «Мигаре», на все сто двадцать процентов. Оборона, пальцем шевельни, никого к себе не допустит. Вот так и она, кроме меня, даже не думай. Моряк, о супруге, начал, – у меня, так же, говорит. Подхожу, на катере к пирсу, давлу ревун, и домой. А дома стол «ежиком», постель разобрана, жена готова, как главный калибр. Пехотинец, взял со стола полный стакан, высадил его одним махом, грохнул о стол и говорит, – Я о жене, пацаны, пока помолчу. Сейчас вот с вокзала, мелкими перебежками к дому. На подходе» снимаю сапоги и на второй этаж. Давлю на звонок и сразу же под балкон. Не знаю, как сегодня, но в прошлые разы, ни один «заменитель» не ушел, – Майор поднялся, посмотрел на хохочущих бойцов, и добавил,

– Вот и вам желаю, чтоб не моргали. Пойду к автобусу, спасибо за «чай»

– Товарищ майор, а про финна знаете. Тоже про нас военных, – скромно потупился Витька.

– Давай только быстро, я анекдоты люблю.

– Сидят две «кукушки» на дереве и мечтают о возвращении домой. Один говорит, – Только через порог переступлю, сразу жену нагибаю, и со всей ответственностью, за все страдания и лишения. Потом еще и еще. Потом ее в постель и снова, потом отдохну и опять.

– Я тоже сразу «опять» говорит второй, но сначала все-таки лыжи с рюкзаком сниму, на кровати-то в лыжах неудобно.

– В лыжах еще не пробовал, – засмеялся майор, – без них конечно удобней. Но есть к чему стремиться, – пошутил он, уходя в сторону автобуса.

13

– А ничего, мужик, – проводил его взглядом Витька.

– Конечно, ничего. Это ты с бестолковкой, не дружишь. На отправке соловьем разлился, а тут язык проглотил, – сказал Сашка, смачно захрустев огурцом.

– Я думал, водку заставит вылить.

– Чем тебе думать? Когда мозги раздавали, ты за водкой в очереди стоял, – припомнил ему все, Василий, – давай разливай, а то вон, к автобусу потянулись.

Дальше покатили еще веселее, время на сборы в дальнюю дорогу, было потрачено с пользой. Многие пассажиры автобуса уже дремали, утомленные путевыми нагрузками, дремали, но оставались еще самые стойкие, которые еще упорно вглядывались в темень за стеклом, правда, уже не понимая, – Чего они хотят там увидеть?

На широком заднем сиденье, самым стойким оказался Сергей. Самоотверженно борясь со сном. Досадуя, на храпящих друзей, он тупо смотрел вперед, майора с водителем.

– Водитель не спит, понятно, – размышлял он, а тебе – то чего не спится? Ему хотелось встать и спросить это у офицера. Он даже сделал две неудачные попытки подняться с сиденья. Вместо того чтобы двинуться вперед, он оба раза навалился на Витьку, отброшенный назад, какой-то непреодолимой силой. Поняв, что движение вперед невозможно, он успокоился и прикрыл глаза, И тут сам по себе, пришел ответ на его вопрос, – А майору по штату спать не положено. И тут же провалился в сон.

– Никак угомонились «партизаны», – посмотрел в салонное зеркало водитель, – теперь может до конца проспят.

– Да, столько влить в себя, это здоровье надо, – почти с восхищением в голосе сказал майор, – утром бы еще, в строй всех, без проблем поставить.

– Тебе, как будто впервой. Три к носу, и все наладиться, – успокоил его водитель, – давай дым пустим?

– Давай, – протянул офицер сигареты, – я помню, до Указа еще, дело было. На целину, усиленный набор был. Водки в магазинах в то время, бери, на сколько денег хватит, а им же двухнедельную зарплату выдали? Запаслись, перед отправкой, мои бойцы, – крепко затыкнулся майор, – до полюсов дойти и назад вернуться хватит. Приехали на пункт сбора. А они? – снова затыкнулся рассказчик. – Операция «Б1» вторая серия, вместо Моргунова, майор Советской Армии. Падают, поднимаю, опять падают. Даже сапогой, поднимать пробовал, бесполезно. Стал я тогда собирать из сумок, а у кого и из руки, оставшуюся водку. Много выпили, остатки в одну сумку влезли. Соппротивление, конечно было. Угрозы, уговоры, но я сам, понимаешь, все преодолел. Сумку себе на плечо повесил, и пошел на пункт сбора. И что ты думаешь? За водкой, еле поднялись, но пошли. И как пошли? Чуть ли не в ногу. Так в строй и поставил. Очередной «фитиль» от начальства, конечно, словил. Даже пообещали подальше отправить. Но, ничего обошлось. Даже опытом делиться ездил, на сборы военкомов.

– Куда они без тебя? С твоим-то опытом – успокоил его водитель, сами, что – ли возить будут?

В шестом часу утра, «Пазик» скрипнув тормозами, остановился недалеко от зеленых ворот, с ярко красными звездами. Прекратилось гудение мотора, но вместо него, предрассветная тишина стала наполняться храпом «урожайных бойцов»

– Все, Федорыч, я свою задачу выполнил, – расслабился водитель.

– Тебе легче. У меня все еще впереди.

Витькины глаза, открыл нос, почуявший запах спиртного. Впереди на сидение, первую «граммульку» уже приняли, и теперь усердно двигая челюстями, закусывали.

– Чего с временем-то, мужики? – просунул он голову между сиденьями. На само время, ему было наплевать.

14

На срочной службе, он твердо понял. У солдата голова не должна думать ни о чем. За тебя думают и решают отцы-командиры, в том числе и следят за временем, главное в этот процесс не вмешиваться.

Но впереди уже закусывали. В этом случае политика невмешательства, была ненавистна его натуре.

– А нам по барабану, чего там со временем. Есть один в фуражке, вот пусть он под ней «репу» и чешет. Хряпнешь? – ответил ему один, судя по ответу, освоивший службу не хуже его.

– Он еще спрашивает? Да таким вопросом с похмелья, запросто, убить можно, – Витька, чтоб убедились в его готовности, протянул руку между сиденьями.

– Бывали, знаем, – пошутил сосед, вставляя в руку, наполовину налитый граненый стакан, – да помни, кто с утра поправил.

– Это же святое, как такое забудешь? Утро со стаканом в руке, первый признак удачного дня, без забот и огорчений. А того, кто налил, разве не запомнишь? Дай бог, чтоб он был не крайним, – Витька, слегка сморщившись от запаха, выпил водку, и протянул назад пустой стакан.

– Хорошо сказал. Но на нас больше не рассчитывай, иссякает источник, самим, только – только, – предупредили впереди.

– Я не про вас, я о жизни, – замотал головой Витька, – отказываясь от горбушки хлеба, густо посыпанной солью.

Салон автобуса началось шевеление. У кого осталось в «закромах» срочно поправляли свое, подорванное долгой дорогой здоровье. Кто остался без запасов, давясь слюной и мучаясь

головной болью, с тоской глядели на торжество других. Когда стало невыносимо смотреть на эту несправедливость, вышли покурить.

– Спят, как сурки, – оценили безмолвие территории за зелеными воротами.

– Как положено. Чего сам службу не бздил? Ну а чего тогда возмущаешься? Помнишь, – ближе дембель стал на день, если спишь ты целый день, – тут же напомнили ему о юности «прошедшей в сапогах»

Возле автобуса, показался майор. На расслабленных утренними вливаниями целинников, и на их, не рассчитавших свои запасы соседей, посыпались распоряжения,

– Быстренько умываться, перекусить и строиться. И смотрите ни-ни, -

понимая, что говорит неисполнимое, так для успокоения своей командирской совести.

Сказал и пошел в сторону КПП.

– Ни-ни! Во! Дает! И как язык поворачивается? Мы специально пятьсот километров промахали, через восемь постов ГАИ проехали, чтобы морду сполоснуть и похавать. Трезвому такое в голову не придет, разве, только нашему майору. Вернусь, фуражку ему на размер больше подарю, – стал возмущаться Витька.

– А фуражка-то при чем? – удивился Сашка.

– Чтоб башку не стягивала, мыслить не мешала. Я уже думал, что он нормальный мужик, но оказывается, показалось. Это же надо, умывание спутать с опохмелкой, это же ни в одни ворота не лезет. Еще парочку таких приказов, и я разворачиваюсь домой. И как они, с такими распоряжениями, урожай хотят собрать, ума не приложу, – пояснил Витька, – А вы чего, булками не шевелите? Ждете, когда за ворота загонят, и труба заговорит?

– Какая труба? – не понял Василий.

– От оркестра БАМ – БАМ. Заиграет и все, аты – баты, все солдаты, – объяснил Витька, до этого успевший после одних, еще пар раз у других «поинтересоваться состоянием времени»

Устроились в тени огромной сосны, под которую, на предварительно постеленную куртку, вывалили содержимое всех четырех сумок.

15

– Последний нынешний денек, гуляем с Вами, мы друзья, – противно пропел Витька, добровольно возложив на себя обязанности разливающего.

– А может чуть погодя? – у Сергея, от запаха водки и Витькиного пения, подкатила тошнота.

– Когда потом, с дуба упал? За ворота заведут, до нитки ошмонают. Останешься голым, слюнями подавишься, слезами горькими захлебнешься. А в конце, саданет инфаркт, с инсультом и параличом? Когда тогда? – решительно выступил Витька, на защиту поправки здоровья, немедленного и бесповоротного.

Через секунду после его речи, все жевали, закусывая в ожидании, когда тепло водки достигнет желудка.

– Не понял, – еще через две секунду нарушил ожидание, Витька, – Вас для чего от семей оторвали? Чтоб жрать, и загорать на природе? Добывать надо все в темпе вальса, в срочном порядке, чтоб другим не досталось, ни капли, ни крошки.

Команда «строиться» их, слишком занятых «добываем запасов» с места не сдвинула.

Только когда они увидели уже построенный к вхождению, в открытые зеленные ворота строй, они похватили свои сумки. На ходу дожевывая, присоединились к остальным.

– .... Проходим отборочную комиссию, – услышали они окончание наставлений майора.

– Они достали уже этими комиссиями. Всю ночь ехали. Только присели, опохмелились чуток. Бац! Опять отборочная комиссия. У семьи отобрали, от работы оторвали. Все, что есть с собой, скоро отберут. Беспредел полнейший. И ничего не попишешь, – поднял Витька, указательный палец вверх, – Армия.

– А в военторге, чего дают? – икнул, рядом с ним Сашка.

– На пирамидон с повторинном нарваться желаешь? Тогда сходи, посмотри, – а потом тебе добавят в Роттердам с Попенгагеном, – предостерег его Василий.

– Налево! Шагооом марш! – рывкнул, майор, видно вспомнив свою лейтенантскую молодость.

– Иии – их! Были мы вчера сугубо штатскими, провожали девушек домой! – ухарски, с надрывом, – заорал Витька.

Майор остановился, и, сделав грозное лицо, погрозил ему кулаком.

– Вот сволочь а? Я ему помнишь, тогда? Весь свой стакан, как другу, – обиженно повернулся Витька к Сергею, – песню строевую затянул, а он мне кулачиной грозит.

– Это он тебя предупреждает. Не прекратил бы этот вой, который у тебя песней зовется, он бы тебе сапогом, точно заехал, – согласился с офицером Сергей.

Витька Симонов, еле стоял перед комиссией, напрягая все силы, чтоб сохранить равновесие.

– Дурдом! Пятьсот километров сюда везли, чтоб еще здесь порешать «готов, не готов», – полоскались в его пьяной голове мысли.

– А вы, товарищ Симонов, добровольно изъявили желание, помочь стране с уборкой урожая? – задал вопрос, капитан, один из членов комиссии.

Витька, мог подстроиться под любого собеседника. При этом говорить то, что от него ждут. Сейчас его жгло желание, побыстрее выскочить на свежий воздух, в виду начинающих накатывать волнами, позывов тошноты.

– А как же? Родина-мать зовет! Каждый день в пять утра подъем, и бегом к военкомату, отмечаться в очереди. Пару часов стоишь, следишь, чтоб в списке не сдвинули. Сами понимаете, блат, выше военкома. Потом в обед. После работы, контрольная отметка. А как без этого? На целину: желающих, как грязи. Еще, блатников посчитать, – ответил он скороговоркой, боясь, как бы его не стошнило, прямо перед комиссией, – Полгода без сна и всухомятку, лишь бы попасть, – смотрел он в глаза спросившему капитану, пытаясь вызвать в нем понимание и сочувствие. Видя, что этого не будет, Витька выдал последний аргумент,

16

– Одобряю, все решения партии и правительства, которые есть и которые будут. Всю международную политику, категорически поддерживаю... На паре гектаров, колоски соберу лично, на карачках и голыми руками. Все, убегаю, – зажав рукой рот, он пулей вылетел из казармы.

Первым увидел, вылетевшего из здания Витьку, Сашка, и, показывая на него остальным, пояснил,

– Витька опять чего-то наобещал. Ишь, как летит выполнять, ветром даже повеяло.

Витька резко остановился и его начало тошнить.

– Нет, похоже, напугали, сердечного. Смотри, как выворачивает, – изменил он свое мнение.

– Жратвой давиться, меньше надо было, – не согласился с ним Серега, – я ему оставь, потом доешь. А он, не съедим, отберут.

– Да причем тут, это? Ты видел, какой там бегемот сидит, политически подкованный? Я от смеха чуть в осадок не выпал. От меня за четыре метра, водярой прет, еле стою. А он меня спрашивает, – Ваше отношение к антиалкогольной компании?

– И ты, конечно, против? – поинтересовался Васька.

– Меня, чего в капусте нашли? Стараюсь, говорю, помощь партии и правительству во главе с Михаил Сергеевичем в его трудной борьбе с зеленым змием. А этот бегемот, следующий вопрос задает,

– А в чем выражается, ваша помощь? Я говорю, пить стал больше, а закусывать меньше. Чтобы врага, который мешает нам строить светлое коммунистическое будущее уничтожить совсем.

– Похоже, без меня урожай поборете, – подошел к ним, с позеленевшим лицом, Витька, – это не комиссия, а военный трибунал, а ты враг народа на допросе. Говорю, доброволец, сомневаются. Говорю, партию люблю, правительство, даже Раису Максимовну, тоже сомневаются.

– Радуйся, что не шлепнули. Мы тебя на исправление возьмем, на поруки, как говорится. Целина же без тебя, – Сашка задумался, подыскивая слова, – как водка без градуса.

На крыльцо казармы вышла отборочная комиссия в полном составе.

Бойцы «битвы с урожаем», сморенные внешними и внутренними жаркими градусами, стали нехотя приподниматься с земли, и чуть быстрее улиток, подтягиваться на место очередного построения.

Офицеры военкоматов, объединили свои усилия: толкая еще спящих, подгоняя медленно бредущих, наконец, поставили в строй, всю будущую целинную роту.

Перед ней стал капитан, которого Сергей, назвал «бегемотом», он же, как оказалось, председатель комиссии,

– Командование воинской части, на территории которой мы находимся, поручило мне пожелать вам успехов, в том великом деле, которое ждет вас впереди. Мы в процессе работы комиссии познакомились с каждым, после чего, я с уверенностью могу сказать, что действительно военкоматы отобрали, достойных из лучших. Вы все прониклись сознанием большой ответственности, перед порученным вам делом. Желаю вам с честью вернуться, выполнив все, поставленные перед вами нашей любимой партией и правительством задачи! – закончил лозунгами, свое выступление председатель комиссии.

– Ты понял, недострелённый? Держи хвост пистолетом, – Сергей дернул Витьку за рукав, – а то заныл, – на целину без меня, я враг народа. А тут на тебе, маслом помазали – «лучший из самых лучших», представителей. Избранный, можно сказать. А это тебе, не с голой задницей на елку, это тебе, как минимум от завгара, трояк в виде премии, на бутылку. Так что избран ты, выполнить все задачи, лучше всех.

– Одну он и так лучше всех выполняет, – хохотнул Сашка.

– Ага, наливать, выпивать, на крыльцо выливать, – добавил, стоящий рядом Василий.

17

Строй жиденько похлопал оратору... Кто-то, видно совсем обалдевший от жары, крикнул, – Ура капитану! Да здравствует целина! Но его инициативу оборвал громкий хлопок по затылку, от рядом стоящего «своего» капитана, и поэтому его патриотическое начинание не получило поддержки.

– А нормально капитан выступил, не хуже, чем Витька про колоски, – высказался Васька.

– Ага, оратор хороший, а мясо дерьмо, – сказал вождь людоедов, обгладывая косточку, – не согласился с ним Сашка.

– Если бы мне за это, как и ему, оклады и звезды, я бы тут перед Вами, Алькой Пугачевой разливался, с песнями Муслима Магомаева, – огорчился Витька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.